

БРИТАНСКИЕ СОЛДАТЫ РАССКАЗЫВАТ О БИТВЕ ЗА ФРАНЦИЮ – 1940

10 мая 1940 года немецкие танковые и механизированные части начали свой стремительный марш через Арденны в обход линии Мажино. Армада, включавшая в себя 1 222 танка, 545 гусеничных и 39 373 колесные машины прошла 170 км от германской границы через Люксембург, Бельгию и приграничные районы Франции и вышла к реке Маас. Французские и бельгийские дивизии прикрытия были смяты и отброшены. Британский Экспедиционный Корпус потерпел сокрушительное поражение, хотя бóльшую часть его солдат и офицеров удалось эвакуировать...

Роберт Холдинг (Robert Hoding), 4-й Батальон Королевского Сассекского Полка (Royal Sussex Regiment)

Со всех сторон я слышал грохот вражеской артиллерии, пулеметы трещали почти непрерывно. Небо над городом было затянуто дымом, над облаками которого проносились в плотном строю вражеские бомбардировщики, беспрепятственно сбрасывали свой груз и уходили.

Теперь мы уже двигались вдоль дороги так же быстро, как если бы мы просто позли по ней. Скоро выяснилась причина этого: на дороге был блокпост военной полиции. Каждый, кто упирался в этот пост, должен был сообщить свое имя и номер части, а потом ему говорили, как найти участок, отведенный для его дивизии.

Мой путь пролегал прямо на восток, через пригороды. Улицы были забиты машинами самого разного вида и назначения, некоторые были перевернуты, но, в большинстве случаев, они уже были обездвижены. Это выглядело поразительно, особенно для тех из нас, кто промаршировал такой длинный путь и видел по дороге так мало транспортных средств – было трудно поверить в то, что Британская армия была настолько сильно механизирована.

Солнце зашло, но город был теперь освещен красным заревом горящих портовых сооружений и, со стороны суши, сверкающими вспышками пушечных выстрелов и смертельно-белым мерцанием осветительных ракет. Мы продолжили свой путь через этот выглядевший зловеще город-призрак. Время от времени нас останавливали военные полицейские, проверяли нас и уточняли, в каком направлении нам идти. В итоге, я снова оказался за пределами города, все еще шагая в восточном направлении туда, откуда, вне всякого сомнения, доносились разрывы снарядов.

Через какое-то время нам сказали сойти с дороги на песчаный проселок, где я увидел что-то совершенно экстраординарное. Передо мной, освещенный словно днем пламенем целиком охваченного огнем большого пассажирского судна, находившегося всего в нескольких сотнях ярдов от берега, был песчаный пляж, вытянувшийся настолько, насколько его мог охватить глаз... Люди лежали на нем сотнями в колоннах, растянувшихся от подножия дюн до края воды. Большинство из них спало в полном изнеможении – для многих это было последний раз в жизни.

Я какое-то время побродил по пляжу, пытаюсь найти знакомых. Не достигнув успеха, я пошел к дюнам, чтобы найти себе место прилечь и уснуть. В понижении между песчаными буграми я набрел на тела троих французских солдат, вероятно, убитых одним и тем же снарядом или бомбой. Среди разбросанного вокруг них снаряжения я была большая

кавалерийская накидка с капюшоном. Я подобрал ее, нашел себе укрытие, плотно завернулся в эту накидку и заснул.

Проснулся я на рассвете от холода. Замерзший, в разобранном состоянии, я лежал, пытаюсь собраться с мыслями. Постепенно я вспомнил, что улегся здесь спать, завернувшись в накидку, но теперь у меня ее не было!

По всему пляжу люди строились в упорядоченные колонны, казалось, просто по общему согласию, поскольку, судя по всему, не было никого, кто бы пытался их организовать. Море было пустым – ни одного хоть какого-нибудь судна. Напрасно я всматривался, пытаюсь найти хоть какой-то след от полыхавшего прошлой ночью судна – от него не осталось ничего. Может, его и вовсе не было... Ближе к берегу плавали небольшие обломки чего-то и множество трупов, плавно перемещавшихся по поверхности невероятно спокойного моря...

Вскоре я опять задремал, но меня разбудил гул приближавшихся самолетов. Надо мной промчалось звено *Штук*, за которым пронеслось еще одно, а потом еще одно, Можно было почти прочувствовать то, как сотни людей затаили дыхание. Самолеты ушли в сторону клубов дыма, повисших над портом. Вой их сирен и грохот бомбовых разрывов докатились до пляжа. Невозможно было не дрогнуть от этих звуков, но, слава богу, не мы были их целью.

Однако нас ненадолго оставили в покое. Откуда-то со стороны суши донесся грохот пушек, ознаменовавший начало артобстрела. Вскоре начали с воем прилетать снаряды, взрываясь среди дюн и поднимая в воздух облака песка. По счастью, дюны приняли на себя большую часть снарядов и шрапнели. Мы вдавливали свои тела в мягкий песок и переживали эту бурю, пока она не закончилась так же неожиданно, как и началась. Убитых и раненых собрали, последних унесли в дюны в наскоро организованные перевязочные пункты.

Теперь наше внимание привлекло пятнышко на горизонте, которое оказалось эсминцем, направлявшимся прямо к нашему пляжу. Он подошел к берегу на несколько сотен ярдов, повернулся к нему бортом и начал спускать шлюпки. Без спешки, без суеты, шлюпки начали сновать между берегом и кораблем, перевозя столько людей, сколько могло в них поместиться, но это никак не влияло на количество людей в очереди, которая не убывала.

Эвакуация продолжалась без особых препятствий, не считая налета группы *Штук*, которые, натолкнувшись на стену огня с эсминца, переместились дальше вдоль пляжа в попытках найти более уязвимые цели. Я уже был по грудь в воде и вычислил, что еще через два [шлюпочных] рейса окажусь в безопасности на борту [эсминца]. Шлюпка вернулась, загрузилась, и теперь я был в голове очереди, вода при этом уже плескалась у моего подбородка.

Я пристально наблюдал за тем, как лодка пристала к борту эсминца. На этом раз, однако, солдаты не стали взбираться на палубу по веревочной сетке. Вместо этого, и я просто не мог в это поверить, лодку прицепили к боканцам и вытащили на палубу! Этот же прием применили по отношению к другим шлюпкам, и вскоре эсmineц пришел в движение. С нарастающей скоростью он ушел в открытое море... Я не могу припомнить те чувства, которые я испытал тогда. Я просто стоял там. Наверное, никто и не собирался забирать меня, наверное, я уже ни о чем не беспокоился.

Штуки вернулись. Зайдя со стороны солнца, они с воем начали пикировать. Я был в воде – двигаться не было смысла. Сделав свое дело, самолеты улетели, и я медленно выбрался на пляж и побрел к дюнам, где уснул, мокрый, невероятно голодный, полностью измотанный психологически и физически... Ночь постепенно сменилась туманным рассветом. Снова стали формироваться очереди. Я присоединился к ближайшей ко мне.

Постепенно дымка рассеялась, и взору открылось море без признаков присутствия каких-либо судов. Противник, раздраженный тем, что столь многие ускользнули из его ловушки, начал свой день с возобновленной энергией. Город и пляжи вновь оказались под бомбами и снарядами. Наша колонна рассеивалась с каждым налетом и обстрелом, чтобы вновь немедленно собраться, как только опасность отступала.

Британские и французские солдаты в очередях на пляже Дюнкерка
<https://time.com/4789230/dunkirk-france-world-war-ii-time-report/>

Я снова был по колени в воде, когда точно, как вчера, в поле зрения показался эсминец и направился в нашу сторону, повернулся к берегу бортом и начал спускать на воду шлюпки. И снова очередь начала спускаться в море. Как раньше, раненых несли к шлюпкам первыми, и снова те, кто был цел и невредим, без промедления уступали им место. Так было несмотря на то, что треск вражеских пулеметов теперь был настолько устрашающе близким, что казалось несомненным то, что этот эсминец – последняя возможность бежать с этого пляжа... Время тянулось мучительно медленно, и, по мере того, как я приближался к голове очереди, мне стало казаться, что шлюпки двигаются все медленнее и медленнее с каждым рейсом. Снова я был по грудь в воде. Я посчитал людей, стоявших передо мной – их было шестеро. Я едва мог поверить в это. Следующий рейс будет мой, да только состоится ли он?

Затаив дыхание, я смотрел за тем, как лодка остановилась у борта эсминца, и люди начали карабкаться по сетке вверх. Весла погрузились в воду, лодка начала свой путь к берегу. Медленно, ну так медленно, она приблизилась. Неожиданно я почувствовал, как в мое тело возвращается жизнь. Мой мозг начал выходить из состояния отупения. Я протянул руку и ухватился за борт шлюпки. В этот момент большая группа *Штук* с ревом подлетела к пляжу. Они пронеслись над нами и ушли дальше, в сторону города. Ко мне вернулось дыхание. Моряк свесился через борт, ухватил меня за ремень и затащил в шлюпку...

Одним из британцев, которому удалось эвакуироваться из Дюнкерка, был 20-летний артиллерист Гарт Райт (Garth Wright) из 153-й Батареи 51-го Полка Легких Зениток Королевской Артиллерии (51st Light Anti-Aircraft Regiment, Royal Artillery).

Гарт Райт в возрасте 97 лет. После эвакуации из Франции он воевал в Северной Африке и Италии

Когда вы вступили в вооруженные силы?

Где-то в июне-июле 1939 года. Когда я пришел в армию, нас было пятеро друзей: я, Кен Стивенс (Ken Stephens), Роджер Палмер (Roger Palmer) по кличке Peg/Reg, Хэрри Эндерсон (Harry Anderson) и Питер Додд (Peter Dodd). Мы были товарищами по оружию, близкими друзьями еще с довоенных времен, и мы, как один, пришли в армию, когда началась война.

Я читал о том, что обучение, которое вы прошли, было очень примитивным?

В самом деле так было. У нас были 40-мм зенитные пушки *Бофорс/Vofors*, которые таскали за собой тягачи, один из которых водил я. Я начинал вестовым и закончил на должности водителя тягача. Наше базовое обучение состояло в поездках в Пластердаун/Plasterdown по воскресеньям, и там, вероятно, была всего одна пушка. Кто-то бегал по зарослям колючего кустарника, потом появлялся неожиданно в поле зрения, бросая вверх свой головной убор. Сержант после этого сообщал нам азимут и угол наводки: таким было наше базовое обучение. Это

было на самом деле единственное упражнение, через которое мы прошли перед вступлением в настоящий бой в 1940-м. Это и правда было очень и очень простой уровень подготовки...

Когда война была объявлена, где вы были и сколько времени прошло, прежде чем вас отправили во Францию?

Войну объявили воскресным утром. Мы были на службе в церкви в городке Тависток/Tavistock, играл оркестр местного отделения Армии Спасения, когда в 11 часов нам сказали, что скоро будет зачитана важное сообщение. Речь произносил старый Чемберлен. Он выступил по радио и сказал, что господину Гитлеру был предъявлен ультиматум: если он не выведет войска из Польши, будет объявлена война. Господин Гитлер согласия на это не прислал. В результате мы находимся в состоянии войны с Германией. Было 11 утра 3 сентября.

Некоторые из парней обрадовались, и в тот момент я подумал: «А чему они радуются?», поскольку знал, что скоро это не закончится.

Тогда у нас были мотоциклы. В понедельник мы отправились на них в Эйвонмут/Avonmouth и оставили позади многих парней помоложе и постарше нас. По численности нас хватило на батарею, с точки зрения возраста все годились для того, чтобы идти воевать. Нас отправили в лагерь Терсли/Thursley, где мы должны были получить машины, прочую технику, еще пару пушек и забрать с собой несколько резервистов, которые уже отслужили свой 21 год в Индии и вернулись. Они присоединились к нам: около трети личного состава батареи оказалась из этих ветеранов, которые уже отслужили свое. После этого мы отправились из Эйвонмута в Сен-Назер/Saint Nazaire, сошли там на берег и разгрузили свое снаряжение. Нас встретили угощением французские ребята, которые разливали суп. Я спросил, из чего этот суп: «Не из конины?» Они едва не треснули меня половником, так что я решил придержать язык и есть, что дают.

Чем вы занимались, когда находились во Франции?

Нас перебросили Секлен/Seclin – аэропорт близ Лилля. Нашим первым заданием была защита аэропорта [от атак с воздуха] – главного аэропорта для города и также одного из передовых аэродромов. Мы там находились, пока в 1940-м все не перевернулось...

Я читал, что вам довелось рыть окопы на полях сражений Первой Мировой войны. Расскажите, как это было?

Когда мы высадились в Сен-Назере, мы отправились сначала в Мервиль/Merville, и потом где бы мы ни оказывались, мы просто рыли окопы и использовали наши пушки: это было обычным делом. Как-то я рыл окоп для пушки, и в каждой лопате оказывалось что-то, оставшееся от страшного сражения Первой Мировой: кепи, петлицы, пуговицы и небольшие куски костей. Жаль, что я ничего из этого не сохранил, но этого всего было так много, что я не довез бы это до дома после Дюнкерка. Какой ужасной была та война, должно быть... Я думаю, что Мервиль был одним из мест, где произошла одна из самых страшных битв даже по стандартам Первой Мировой. Фермеры в тех местах копались в земле, извлекали из нее нераззорвавшиеся снаряды и сваливали их по краям полей. Я это видел, они были повсюду.

Каково было оказаться под ударами блицкрига, когда немцы перешли в наступление в 1940 году? Встревожила ли вас скорость их продвижения?

Да, и в самом деле, когда немцы начали свой блицкриг, они наносили удары молниеносно. Было страшно. Это была война мужчин против мальчишек: у них был опыт танковой войны на полях сражений в Польше и Чехословакии. Они вонзились в нас как нож в масло.

Положение усугубилось еще и тем, что у них были *Me-109*, которые обстреливали нас вместе с пикирующими бомбардировщиками *Штука*. Многие презрительно отзывались о *Штуках*, но, бог - свидетель, это был эффективный самолет. Он попадал в цель наверняка:

пилот наводил машину на цель, и вся цель, которую видел зенитчик с земли – крохотная тонкая черточка, несущаяся к земле. Вы могли видеть, как бомба покидает самолет, и вы знали наверняка, что она приземлится точно там, где находится ваша пушка. И что вы будете делать? Бежать или оставаться на месте? Само собой, это устрашало.

А вы знали об их успехах в таких странах как Польша и Чехословакия?

Мы не были готовы к такой войне, а французы в особенности – они все еще были на конной тяге. Мы от них тоже недалеко ушли.

Что вы помните о встречах с беженцами по дороге к Дюнкерку?

Беженцы блокировали дороги, и ситуация усугублялась тем, что *Me-109* обстреливали дороги. Беженцы, эти бедные черти, гибли на дорогах или не давали проехать: просто было не сдвинуться с места. Если бы мы попытались как-то маневрировать, как-то оказать сопротивление, мы бы просто не смогли этого сделать, а немцев жизнь [беженцев] не волновала – они просто катились напролом прямо по ним...

Гарт Райт (в нижнем ряду, справа, на земле) вместе с товарищами по батарее в городке Витри-эн-Артуа/Vitry-en-Artois, ноябрь 1939. Среди солдат его друзья Хэрри Эндерсон, Питер Додд и Ауэн Келлоуэй. Из числа друзей Райта с войны вернулись только Келлоуэй и сам Райт...

Можете ли вы рассказать о том, как собирали припасы на заброшенном аэродроме Королевских ВВС?

Мы охраняли аэродром, и тут прошел слух, что Королевские ВВС оставили его и перебросили свои самолеты – *Спитфайры* и *Харрикейны* – обратно в Англию, и слава богу, потому что эти самолеты спасли страну во время *Блицца**. Еще кто-то сказал, что все имущество NAAFI** осталось на месте, так что я взял свой грузовик, поехал к ним на склад, и, само собой, нашел там виски, сигареты, просто много всего полезного и закинул в свою машину.

Я повез все это к себе и по дороге увидел нашего командира, майора Стивенса (Stephens), который сам любил заложить за воротник. К тому моменту, когда я подъезжал к нашей казарме, он был уже там. Сказал он следующее: «Я думаю, ты знаешь, что полагается за мародерство в военное время?» - Я ответил: «Так это не мародерство, сэр, это

бережливость.» Он сказал: «Ага, но, согласно уставу, это мародерство, так что заходи в это помещение, а я соберу для тебя расстрельную команду.» Короче, он меня запер, и я стал ждать. Этот старший офицер был вечно пьян. За день до этого он бегал кругами и стрелял из своего револьвера по самолетам, летевшим в миле от земли. Он был поддавши и при этом собирался расстрелять меня за мародерство! Сижу, грызу ногти, тут пришел капитан Хэрри Роджерс (Harry Rogers) и говорит: «Что это за вести о том, что ты занялся мародерством, Гарт?! Я разъяснил ситуацию и сказал: «Если мы это не заберем, это достанется *Джерри****.» Он говорит: «Да, но мы не должны дать парням разделить все это между собой.» Он был на Первой Мировой, и вот что он сказал: «Я видел такое в прошлом. Все ребята напьются, немцы придут и перебьют их, так что лучше занеси все это ко мне в комнату.»

Я закинул все, что мог, к нему, и он приказал мне явиться в штаб и не попадаться майору на глаза. Я взял свой грузовик и уехал в штаб, расположенный в Амьене/Amiens. На обратном пути я оказался отрезанным от своих [наступавшими] немцами. Я был сам по себе, остановился в кафе, взял бутылку с выпивкой, сел на ступеньку и, как только я уселся, появились дети и собачки. Французский пацан подошел ко мне, и я дал ему плитку шоколада из моей так называемой награбленной добычи. И тут, совершенно неожиданно, на перекрестке появился полугусеничный транспортер с солдатами СС. Эти не брали пленных, так что я решил, что мне пора убираться! В итоге, я вернулся, ориентируясь на дымы Дюнкерка...

По пути меня остановили то ли французы, то ли бельгийцы, или еще кто-то. Они хотели, чтобы я подбросил их на моем грузовике, но я сказал им «нет»: у меня на борту была девушка, она уговорила меня взять ее с собой. Не помню, где это случилось, но по дороге мне попался родильный дом, а она была уже основательно беременна, так что я сказал ей, что подвезу ее. Она сидела рядом со мной, так эти парни подняли свои винтовки! Я достал свой автомат и сказал: «Отлично, кто будет первым?». Они отстали от меня...

Я поехал дальше, высадил девушку и пристроился к нашей колонне. Ночью мой грузовик со всей моей добычей и вещами Хэрри Роджерса увяз [в грязи]. Солдаты, стоявшие рядом, сказали мне, чтобы я встал рядом с ними, в стороне. Один парень курил, пока сливали в кювет бензин из моей машины. Я решил, что будет лучше, если моя добыча не достанется никому... Парень докурил, бросил окурки, и мой грузовик охватило пламя. Все припасы, включая выпивку, сгорели.

Вы были ранены единственный раз по дороге на Дюнкерк? Как это случилось?

Когда капитан приказ мне забросить виски к нему в комнату, на упаковке была скрученная проволока. Ей-то я и порезал себе большой палец!

Довелось ли вам видеть Дюнкерк ночью?

Ночью небо отсвечивало красным. Днем нефтяные баки были главной целью для немцев, и над нами висели клубы дыма в миллю высотой. Самолеты *Джерри* пролетали сквозь дым и пикировали на нас. На пляже был настоящий ад на земле...

Каким было положение дел, когда вы добрались до Дюнкерка?

Когда мы добрались до Дюнкерка, мы оказались в кольце. По дороге в колонну угодила бомба, так что мы оказались сами по себе. Впереди колонны ехал Кен Стивенс, он был вестовым. *Штуки* атаковали переднюю часть колонны, бедного Кена сорвало с мотоцикла, и его тело выбросило на обочину дороги. Следующей бомбой были убиты Тиффи Хикс (Tiffany Hicks), кроме него, - сержант, старший сержант, оружейный мастер и один водитель. Еще один парень был тяжело ранен. Все они похоронены на Дюнкеркском кладбище.

Мы въехали в Дюнкерк, после чего все время были в движении, стараясь защитить эвакуирующихся от атак с воздуха. Нам приходилось все время перемещаться, вдоль и поперек пляжей, вступать в бой и пытаться выдать *Джерри* на орехи столько же, сколько они выдавали нам. Получалось у нас не так уж и плохо...

Кен погиб, он был вестовым, других вестовых не осталось, так что я взял эти обязанности на себя, поддерживая контакт с разбросанными по местности пушками. Я был занят этим на протяжении 48 часов или около того, мотаясь между тем местом, которое было нашим штабом и пушками, размещенными на дюнах. При этом самому себе я вырыл небольшой окопчик...

В ваш мотоцикл попала пуля?

Да, было такое. Гоняя между штабом и огневыми позициями, я мог выжать из старенького мотоцикла не более 49 миль в час. Я пригибался к рулю и молился, поскольку дважды в меня стрелял снайпер, и один раз он попал в раму мотоцикла. Она отскочила, и больше я ее не видел. Это был из наиболее тревожных моментов из пережитого мною на войне.

Что происходило на пляжах?

Немцы бомбили каждые полчаса. *Me-109* строчили из пулеметов, *Штуки* сбрасывали бомбы. Можно было по ним проверять часы в дневное время. Ночью ничего этого не было, но как только наступал рассвет, они прилетали, и так было до заката. Они наводили такой страх, что я начал думать о том, что пусть следующий налет станет для меня последним... Я думал вот что: «Мне отсюда все равно не выбраться, так пускай все кончится.» Честно говорю, так я думал тогда, таким кошмаром это было.

Сколько вы провели на пляжах?

Я мотался на своем мотоцикле пару дней, и на пляже провел около суток.

Эвакуация знаменита участием малых судов, которые приходили, чтобы спасти солдат. Вы их сами видели?

О да, довольно много. К маленьким суденышкам стояли очереди, и я подумал: «Я не пойду туда и не буду ждать [в очереди].» Я оставался в моем окопе и ждал. Поступил я правильно, но многие унесли ноги именно на малых судах...

Вы эвакуировались на эсминце *Codrington*. Расскажите, как это произошло.

Да, мне очень, очень, очень повезло. Я просто сидел и ждал, безразличный к тому, что случится, но тут позвали добровольцев для перетаскивания носилок. Говорят, никогда не иди что-то делать добровольно, но я чертовски рад тому, что тогда вызвался на это добровольно! Я еще один парень подхватили то, что осталось от одного бедного малого, и понесли его вдоль мола. Он был сильно разбомблен, но его отремонтировали, насколько это было возможно, так что к эсминцу, стоявшему у него, можно было подойти. Это был *Codrington*. Мы затащили этого парня на борт, уложили его, но я не думаю, что он недолго протянул после этого. Я уже было собрался возвращаться к себе в окоп, но капитан сказал мне оставаться. Я особенно не спорил и проехался по первому разряду от Дюнкерка до Дувра. Я считаю, что мне страшно повезло...

Что произошло, когда вы вернулись домой?

Артиллеристов отправили в Вулвич (*Woolwich* – пригород Лондона), пехотинцев – в военные лагеря Солсбери/*Salisbury* и Алдершот/*Alderhsot*. Нам сказали, все, у кого есть родственники поблизости, смогут получить увольнение на 24 часа, чтобы навестить их.

Сестра мужа моей сестры жила в Уолтамстоу/Walthamstow, так что я получил увольнительную и отправился туда. Родственники вечером отвели меня в местный паб, но я чувствовал себя отвратительно, чувствовал себя трусом, потому что немолодые дядьки, прошедшие Первую Мировую, покупали мне выпивку, как будто я был героем. Некоторые из них были отравлены газами на фронте, у кого-то не было руки или ноги, а я ощущал себя заячьей душой, удравшей с поля боя. Честно, вот так я думал. Я смотрел на этих людей снизу вверх, и, по сравнению с ними, я был трусом. Но что сделаешь, это ведь война...

Потом мы приняли участие в Битве за Британию. Мы обороняли передовые аэродромы, пока не окончился *Блitz*. Затем мы влились в 6-ю Танковую Дивизию. Бронетехники у нас тогда вообще не было, мы все еще были вооружены нашими старыми благословенными пушками *Bofors Mark I*.

Люди называют Дюнкеркские события «чудом». Вы тоже так думаете?

Думаю, так и было. Мы удрали, чтобы потом снова пойти в бой, нас, эвакуировавшихся, было всего около 350 000, но это было ядро Британской армии.

Что вы думаете об умении немцев воевать?

Должен признать, я уважал *Джерри* – старого солдата Вермахта. Думаю, рядовой немецкий солдат был близок к нам по уровню так же, как и солдат любой другой национальности, за исключением СС. Обычный немецкий солдат был таким же, как мы, но эсэсовцы – отдельная статья. Они были отвратительными дьяволятами, но и среди нас попадались всякие...

Эта кампания была очень скоротечной. Когда вы оглядываетесь назад, вините ли вы тех, кто командовал вами, или просто чувствуете, что оказались в ситуации, которую невозможно было контролировать?

Мы все были в одной лодке: мы просто не были готовы к войне такого типа...

Уильям Даглас Гауф (William Douglas Gough), артиллерийский наблюдатель

В 1939 году я был обычным солдатом, проходившим службу в 1-м Среднем (Medium) Полку Королевской Артиллерии, дислоцированном в Портсмуте. Мне было 19, я был квалифицированным связистом, способным передавать данные с помощью азбуки Морзе и принимать их. Кроме того, я был обучен вождению автомашин и имел квалификацию механика-водителя. Моя батарея находилась в Форте Уидли/Fort Widley – одного из группы фортов, расположенных на высотах Портсдаун Хиллз/Portsmouth Hills.

После объявления войны мой полк был переведен на военное положение. Уже вскоре мы были на пути во Францию, став частью Британского Экспедиционного Корпуса (BEF). Мы погрузились на суда в Саутгемптоне и отплыли в Шербур. Мы были оснащены 6-дюймовыми гаубицами, которые переоборудовали для транспортировки не с помощью конной тяги, а с помощью гусеничных тягачей, имевших название *Драконы/Dragons*. Они напоминали танки, но не имели башен. Они могли перемещать расчет из 10 человек, пушку и зарядный ящик, в котором было до 100 фунтов снарядов. Наш *круиз* через Пролив стал грандиозным приключением, поскольку для большинства из нас, если не для всех, это было первое морское путешествие. Я хорошо помню одного из моряков, посоветовавшего нам есть побольше, чтобы в случае морской болезни у нас в животах осталось хоть что-то. Странно, как такие вещи застревают в памяти...

В итоге, мы прибыли в Шербур и впервые взглянули на Францию. Разгрузились без происшествий, и в колонне тронулись вглубь страны. Наши пушки и машины на стоянках располагались в садах, где деревья ломались от яблок и груш. Мы обнаружили, что избыток фруктов – хорошее слабительное, и свежесорванные сортиры использовались довольно активно. Мы спали в машинах и под ними. Погода была хорошей, и связанных с ней проблем не было. Мы и представить себе не могли, что вскоре дела пойдут куда хуже. Наши спальные принадлежности состояли из одеяла и плащ-накидки, подушкой служила каска или противогазная сумка. С той поры это стало нормой. Мы шли по Северной Франции от одного расположения к другому, проводя большую часть времени за рытьем окопов для наших пушек и ячеек для самих себя, а также за заполнением мешков песком для брустверов... Мы также занимались боевой подготовкой к тому, что нас ждало. Вокруг позиций все 24 часа в сутки находились вооруженные посты, и наши пулеметчики с их *Бренами/Bren* всегда были в полной готовности отразить атаки с воздуха.

Такой была наша жизнь с сентября 1930-го по май 1940-го – в период, который получил название *Странная Война/Phoney War*. Командование решило, что будет безопасным посылать нас в отпуска домой, и я получил неделю, которую провел с моей подругой Олив (Olive), которая потом стала моей женой. К сожалению, я вернулся в свою часть с опозданием на 12 часов и был наказан за *самовольное отсутствие во время несения Боевой Службы/ being absent without leave whilst on Active Service*. На следующий день меня вызвали к старшему офицеру, который понизил меня в звании до рядового. Я потерял одну лычку, которую носил до этого с такой гордостью. В то время мы спали в сенном сарае на соломе, но меня быстренько спровадили в 24-часовое стояние на карауле. Вскоре после этого происшествия мы снова были на марше, но я свалился с какой-то лихорадкой и был отправлен на полевой санитарный пункт. Там меня оставили на носилках рядом с горячей печкой часов на десять, потом мне дали так называемый *beef tea* (*жирный мясной бульон – ВК*). Малоприятная штука с жиром, плавающим на поверхности. Там я провел несколько дней, потом офицер-медик сказал, что я могу отправляться в часть.

Я вернулся в полк, который стоял близ Дуэ/Douai – шахтерского городка на севере Франции, где нам удавалось посещать шахтерские бани, – эта роскошь позволялась только тем из нас, кто выполнял какие-то работы за пределами части где-то раз в две недели. А так каждодневная жизнь была заполнена тем же, что и раньше: рытье окопов, обслуживание техники и обучение, а окоп для одной шестидюймовки имел размер с цирковую арену...

Однако мы не только работали. В увольнительных мы ходили в местные кафе, где пили местные белые и красные вина и поедали тонны яиц и жареной картошки. Мы пели старые военные песни и даже выучили пару новых. Я нашел аккордеон в пустом доме и стал доводить всех, пытаясь сыграть популярную мелодию, называвшуюся *South of the Border* (*довольно фривольная песня из одноименного американского фильма 1939 года – ВК*). Пришло Рождество, и мы отпраздновали его наилучшим образом. Наши пайки были вполне подходящими, хотя кто-то мог сказать, что хорошие продукты портили наши повара. Зима была худшей из всех, которые я могу припомнить. Вода замерзала в наших флягах, мы умывались снегом, иногда оставляя немного чая в кружках, чтобы побриться. Все были рады тому, что пришла весна.

В начале мая все и взорвалось. Гитлер вторгся в Бельгию. Нас быстро подготовили к переброске из Северной Франции к границе Бельгии и Германии. Мы уже вскоре добрались до Брюсселя, где нас встречали просто великолепно. Радостные крики, угощение вином и шоколадом, девичьи поцелуи... В итоге, мы добрались до возвышенности Кеммель (Kemmel Woods). Наши машины и пушки были припаркованы под деревьями, чтобы замаскировать их с воздуха, затем нам приказали рыть окопы рядом с каждой машиной. Окоп должен был быть 6 футов в глубину, чтобы в нем мог поместиться каждый расчет. Пока мы без спешки кидали землю, прозвучал свисток воздушной тревоги. Никто не принимал эти свистки всерьез, пока не было слышно гула авиационного мотора. Теперь нам предстояла неприятная шоковая терапия – прилетели пикирующие бомбардировщики

Штука. Они выныривали из облаков словно поезд-экспресс и не доходя до земли сбрасывали свои бомбы и начинали поливать нас огнем своих пулеметов. Это было ужасно – мы впервые оказались под огнем. Налет продолжался 15 минут, но, казалось, он длился дольше, а потом они исчезли так же неожиданно, как и появились. Мы начали оценивать урон и потери. Затем пришел приказ подготовиться к операции по поиску парашютистов лесу. Ни одного не нашли, но мы все испытали потрясение. С той поры рытье окопов стало проходить с куда большим энтузиазмом.

Вскоре после этого появилась полевая кухня с грузом жаркого. Мы взяли свои котелки, и повар стал наполнять их из кузова трехтонного грузовика. Как раз, когда я собирался получить свою долю, снова прозвучал сигнал воздушной тревоги. Я быстро нырнул в ближайший окоп и по ходу расплескал половину своего рациона...

Мы получили приказ быть готовыми к выступлению утром, когда начнет светать. Мы все знали: вот оно, наконец, бой. Тому, чему нас учили, предстояло пройти испытание. Мы были уверены в себе: мы были хорошо обучены. Когда мы приблизились к нашей огневой позиции на следующее утро, около 6 утра, к нашему удивлению, мы увидели немецкий самолет, приближающийся к нам на довольно малой высоте. Двадцать винтовок и несколько *Бреннов* были немедленно нацелены на него и выстрелили одновременно. Он камнем упал на землю. Я не знал, что случилось с экипажем, потому что мы продолжили продвижение к нашему рубежу. Уже вскоре наши пушки вступили в бой, наш первый бой. Иногда на снарядах ребята писали оскорбительные послания в адрес Адольфа. Тут кто-то привлек наше внимание к аэростату, болтавшемуся высоко в небе. Мы подумали, что это наш, но он таковым не был, как вскоре стало ясно, так как на нас посыпались снаряды. Осколки стали попадать и в людей, и в технику, и очередь за тем, чтобы дернуть спусковой шнур быстро исчезла. Наш огонь стал интенсивным, противник отвечал тем же. Это был настоящий ад. Наибольшее воздействие это оказывает на боевой дух, и на некоторых это влияет больше, чем на других. Вскоре мы уже знали, что такое быть контуженным взрывной волной. Быть под огнем – это не сравнишь ни с чем – просто делаешь то, чему тебя учили. Отдыхаешь и спишь, когда есть возможность. Каких-то удобств для того, чтобы оправиться, нет, умываешься и бреешься тогда, когда есть шанс.

Перемещениям на новые позиции постоянно мешали бесконечные потоки находившихся в жалком положении беженцев. У некоторых были лошади и повозки (это у тех, кому повезло). Сверху сидели старики и дети. У других были коляски, маленькие тележки – все, что могло облегчить жизнь.

Некоторые из наших огневых позиций были рядом с фермами, владельцы которых отказались уйти. Другие фермеры покинули свои дома, оставив скотину заботиться о себе, поэтому коров нужно было доить. Некоторые из парней умели доить коров так раздобывали себе свежее молоко. Иногда нам доставались цыплята и яйца. Все это отдавали поварам, чтобы они улучшили наше питание.

Я был связистом на наблюдательном пункте (НП). Отряд наблюдателей состоял из одного офицера, из связиста и из водителя. Нашей машиной был легкий бронетранспортер с *Бреном*. Я сидел сзади со своей рацией, которая могла работать и на ходу, и в статичном положении, посылая передачи и принимая сообщения. Мы использовали азбуку Морзе и звуковую передачу. Рация использовалась в качестве основного средства, но как только мы обосновывались на НП, мы получали что-то альтернативное. Обычно это был телефон и что-то для передачи визуальных сигналов (фонарь или флажок).

Было несколько неприятных эпизодов на НП и на пути к ним. В одном случае мы сидели на НП близ канала Альберт, отслеживая перемещения немецких войск. Наш офицер, капитан Джексон (Jackson), позднее он утонул во время эвакуации из Дюнкерка, создал НП в здании фермы на гряде, с которой можно было хорошо разглядеть противника. Я было подумал, что мы оказались слегка на виду, и сказал об этом, что капитан признал, но продолжил

вести наблюдения и отдавать приказы, которые я должен был передавать дальше. Так продолжалось какое-то время. Капитан сидел на втором этаже здания, передавая мне приказы о корректировке огня. Начался дождь, так что я накрыл себя и рацию своей накидкой и продолжил вести передачу. Неожиданно я почувствовал, что на меня словно обрушился весь дом, – это немецкие мины попали в здание, и на меня посыпались кирпичи и щебень, полностью засыпав меня. Однако уже вскоре у меня возникло ощущение, будто с меня спадает тяжесть. Это капитан и водитель Блумфилд (Bloomfield) начали разгребать обломки, засыпавшие меня. Помню первое, что сказал капитан: «Рация еще работает?» Она не работала, и я сказал ему об этом. Он без промедления решил возвращаться на огневую позицию, чтобы заменить ее. Я подумал, что меня тоже сменят. Мы проехали 6 миль обратно к пушкам, где нескольких артиллеристов отрядили для того, чтобы помочь мне выбраться из бронетранспортера и заменить рацию. Именно в тот момент, когда меняли батарейки, через него прошли две пули, оставив отверстия... В тот день мне повезло дважды, удача улыбнулась мне. Я снова залез в бронетранспортер, проверил работу рации, и мы отправились на новый НП в том же составе.

Связь была восстановлена, наши пушки возобновили стрельбу и вели по врагу интенсивный огонь, пока я не получил сообщение: «Прекратить огонь». Я не мог понять, в чем тут дело, а затем получил сообщение с приказом снова вернуться на позиции. По пути назад мы видели, как много всего происходит вокруг: мы также проехали мимо отступавших от передовой бельгийских частей. На нашей позиции все были заняты выведением пушек и машин из строя, уничтожением боеприпасов, прорубанием дыр в топливных баках. То есть, уничтожением всего того, что могло пригодиться противнику... Затем наш командир батареи капитан Терри (Terry) собрал нас и сказал, что мы отправляемся к побережью, к городу под названием Дюнкерк. Карта была только у него, так что нам оставалось только держаться рядом с ним.

Мы тронулись в путь группами человек в двадцать каждая. Мы быстро вышли к дороге, где увидели другие части, марширующие в том же направлении. Уже вскоре мы набрали на брошенные машины, сваленные в кюветы. К этому времени некоторые из моей группы оказались на обочинах со стертymi ногами. У некоторых из них ноги были стерты до крови, и я поблагодарил Бога за то, что у меня с ногами все в порядке. К полудню я обнаружил, что шагаю один и приближаюсь к реке. Я спустился к руслу и стал искать самое узкое место, чтобы переправиться. Неожиданно позади меня раздался голос: «Помоги мне переправиться. Я не умею плавать.» Я всегда был хорошим пловцом, так что я сказал ему: «Цепляйся за мой ремень и держи голову повыше.» Мы переправились, но после я ни разу не видел этого парня.

Я продолжал свой путь, пока не увидел приближающуюся ко мне на полном скаку группу небольшую французских кавалеристов. Дорога была узкой с канавами по обе стороны. Слева от себя, на расстоянии я мог видеть церковную колокольню. Через несколько секунд я увидел шесть взрывов – снаряды разорвались прямо посреди этой группы кавалеристов. Лошади и люди взлетели в воздух. Кошмарное зрелище... Мне пришлось пройти через окровавленные останки изувеченных людей и лошадей. Кто-то был убит, кто-то просил помощи. Я не мог им помочь, это было не в чьих-то силах, так что я стиснул зубы и продолжил идти. На той колокольне, я думаю, был НП немцев...

Я шел дальше и увидел впереди себя городок. Он побывал под сильным обстрелом и бомбежкой и все еще дымился. Из развалин торчали трупы людей, до меня доносились стоны людей. И снова меня стало очевидно, что многие другие прошли мимо этого городка: повсюду были разбитые и брошенные машины. Я побрел через руины и обратил внимание на то, что из многих магазинчиков были выброшены разные товары. Один из них был магазином музыкальных инструментов, и я видел разбитые пианино, скрипки и аккордеон. Эти сцены остались у меня в памяти, это то, что я помню из того кошмарного путешествия... Было мне всего 19.

Ближе к вечеру я вышел к Дюнкерку. И снова передо мной было зрелище опустошения, разрушений от бомб и снарядов, разбитые здания, трупы, выглядывающие из-под обломков. В итоге, я добрался до побережья.

По пляжу были разбросаны группы людей, находившихся в ожидании, только вот чего? Тогда я ничего не знал. В прибрежной полосе моря были видны несколько затонувших небольших судов и двух или трех судов покрупнее, вокруг которых плавали обломки. Слева от себя я увидел столбы черного дыма и горящие нефтяные баки. Я спустился на пляж и едва я показался там, как услышал гул моторов приближающихся самолетов. Они пролетели низко над нами, сбрасывая бомбы и обстреливая пляж из пулеметов. Все стали нырять в песок, некоторые пытались зарыться в него. Это было ужасно. Когда самолеты улетели, я поднялся и огляделся. Я увидел множество раненых и убитых парней вокруг себя. Эти звуки рыданий и воплей раненых останутся со мной до конца жизни. Со мной, вроде, все было в порядке. Из больших зданий, стоявших рядом с пляжем, появились парни с носилками, они выбрали некоторых из раненых. Вспоминая эти события, я вижу все это снова. Никогда этого не забуду. Помню молодого моряка с бутылкой в руке, бродившего в одиночку, что-то напевая и выкрикивая. Думаю, он украл эту бутылку в одном из приморских баров...

Некоторые офицеры старались организовать нас в группы человек по 50, готовых к погрузке на какое-либо судно, когда оно появится у пляжа. Некоторые части умудрились сохранить свой состав. Я не видел никого из своего полка. Пока я не заговорил с другими парнями, я не имел и понятия о том, что нас эвакуируют в Англию. У меня до этого было такое впечатление, что нас высадят на другом участке побережья, чтобы мы могли снова вступить в бой. Это было 30 мая, и я не знал, что к тому времени многие тысячи наших уже был в Англии.

Я не думал о том, что не ел и не пил ничего уже 48 часов или около того. Я и не спал, и не умывался, и не брился все это время, но все были в одинаковом положении, ну кто-то в худшем. Главным приоритетом сейчас было выживание. Воздушные налеты продолжались, и казалось, что каждый раз, когда улетают вражеские самолеты, над головой появляются наши – все это к огромному раздражению нас, тех, кто был на пляже. Немало отборной ругани неслось им вдогонку.

Ближе к сумеркам мы увидели небольшой пароходик, идущий по направлению к поврежденному причалу, затонувшему уже на три четверти. Я сумел присоединиться к группе, готовой к посадке. Мы вошли в воду, затем взобрались на поврежденный причал и, в итоге, оказались на парходике. Моряки из команды помогали нам и подгоняли нас. Оказавшись на палубе, я тут же плюхнулся на что-то, лежавшее на ней, и тут где-то рядом с нами упала то ли бомба, то ли снаряд, после чего все нас перекинуло к противоположному борту, где мы свалились в кучу. Некоторых ранило, там же был один или два трупа. Кто-то рядом со мной сказал, что мы на борту парома с острова Мэн, но подтвердить я это не могу.

После плавания по бурному морю в полной темноте мы прибыли в Дувр. Там нас встретили замечательные женщины из *WRVS*****, боже, благослови их. Они напоили нас горячим чаем, дали нам сэндвичи и пироги со свиной. Они раздали нам открытки полевой почты, на которых мы могли написать своим семьям о том, что мы дома и в безопасности. Мы были грязными и оборванными. Измотанные, мы улеглись спать и проснулись, когда нас разбудили. На автобусах нас перевезли в лагерь Блэндфорд в графстве Дорсет, где нас отвели в казармы и дали выспаться...

Через несколько дней нас рассеяли по своим частям – по тому, что от них осталось...

На войне нет славы... есть только смерть, разрушение, искалеченные тела и помутненный разум.

Уильям Даглас Гауф – отец, дед, прадед

Октябрь 2003 года

Хэрри Манн (Harry Mann), артиллерист противотанкового расчета

В ночь на 16 мая наша батарея переместилась ближе к Ватерлоо и расположилась неподалеку от места, где в 1815-м произошло сражение. На следующий день звено *Штук* атаковало наши позиции. В пушечный расчет *С4* Йорки Хома (Yorky Holme) входили Фил Плеви (Phil Plevy), Берт Тэннер (Bert Tanner), Джордж Брэдли (George Bradley) - все они погибли. Рон Бингэм (Ron Bingham) и Йорки получили множественные осколочные ранения. На позиции во время воздушной атаки также были Расс Хезефорд (Russ Heseford), сержант в расчете *С2*, который тоже был убит. Йорки и Рон Бингэм были эвакуированы в Англию и, уже позднее, Рон погиб, воюя в составе *RAF*. Майор Картлэнд (Cartland), г-н Хаттон-Сквайр (*Mr Hutton-Squire – по-видимому речь идет о командире батареи, лейтенанте по имени Боб Хаттон-Сквайр, служившем в составе батареи – ВК*), бомбардир Чарли Ренни (Charlie Rennie), Дэн Гриффитс (Dan Griffiths) и водитель Джордж (George) помогли похоронить убитых. По традиции нашего полка погибших заворачивали в белые простыни. Годы спустя я посетил маленький церковный дворик неподалеку от шоссе на Брюссель, где были похоронены погибшие. Три могилы британских солдат находятся в центре первого ряда среди гораздо большего числа могил бельгийских солдат. На одной из них можно прочесть имя *Phil Plevy*, на двух других – надписи - *Unknown Soldier of the Worcestershire Yeomanry (батарея относилась к полку Ворчестерширских Гусар – ВК)*.

В ту ночь Хаттон-Сквайр снял с позиции Батареи *С* три оставшихся пушки. По дороге пушка *С1* свалилась в канаву. Вытащили ее с большим трудом, повредив колесо. Когда проезжали через городок Турне/Tournai, поврежденное колесо отвалилось. На каждой из машин, буксировавших пушки, были запасные колеса, но ни одно из них не подходило. Джордж Проссер (George Prosser) и Фрэнк Барбер (Frank Barber) нашли здоровенные гвозди в расположенном рядом заброшенном кафе и сумели с их помощью закрепить колесо. Благодаря этому пушка доехала до Франции. Потом нашли какую-то мастерскую, где колесо посадили на место должным образом.

Через несколько дней попыток установить связь с полком, мы наткнулись на штаб, который, я полагаю, относился ко 2-й Дивизии. Через три дня к нам заглянул Хаттон-Сквайр и приказал Хэрри *Смайлеру (Улыбашке)* Кларку, водителю расчета пушки *С1*, и мне немного поспать. *Улыбашка* был канадцем, который работал в Киддерминстере (Kidderminster) до войны и вступил в *Территориальную Армию* в 1938 году. Позднее он умудрился бежать из лагеря для военнопленных в Польше и был награжден *Медалью за Отличие в Службе*. Теперь мы передвигались по ночам, поскольку Люфтваффе полностью господствовало в воздухе. Водитель и я должны были, таким образом, бодрствовать, тогда как остальные парни из расчета могли поспать в кузове грузовика.

Непосредственно перед наступлением темноты начала формироваться наша колонна. Однако, пока мы ожидали выступления, пришли подполковник Медли (Medley), полковой командир, и майор Картлэнд. Я скомандовал *Смирно!*, и майор Картлэнд сказал: «Я несколько дней назад доложил о том, что вы пропали без вести.» Я ответил, что все мы были в составе колонны и что Хаттон-Сквайр находился дальше, ближе к ее голове.

Майор Картлэнд вновь собрал в единое целое свою батарею и после одного дня на позиции у бельгийской границы повел нас к Касселю. Городок стоял на холмах с крутыми склонами, и это было идеальным местом для того, чтобы держать здесь оборону. Бригадир Сомерсет (Somerset), командующий Бригадой, поставил майора Картлэнда командовать противотанковыми силами в созданной системе обороны города и боевыми группами А, В и С. Всего на позициях у города было расставлено 11 пушек. Остальная часть полка была переформирована в мобильную (flying) колонну под командованием подполковника Медли и брошена в бой, чтобы разобраться с *несколькими танками*, прорвавшимися через наши оборонительные линии. Группа А из состава 211-й Батареи была оставлена в Касселе, чтобы помочь 211-й Батареи оборонять город. Группа В под командованием лейтенанта Фрикера (Freeker) была отправлена из Касселя на сопровождение роты Валлийских Гвардейцев (Welsh Guards). Позднее мы услышали, что Валлийские Гвардейцы были личной охраной командующего *BEF* генерал-майора Горта (Gort). Группа С заняла позиции, оставленные группой В, и мы, продвигаясь туда, попали под интенсивный огонь немецких минометов. Мы быстро установили нашу пушку в неглубоком окопе, который и раньше использовался для двухфунтовки, и укрылись в двух небольших окопчиках. В нашем окопчике оказались Фрэнк Барбер, Билл Вокс (Bill Vaux) и я. В другом – пулеметчик с *Бреном*, Н. А. *Tiny James* (Х. А. *Тайни (Крошка)* Джеймс) и парень [с противотанковым ружьем] по имени W. Anthony (У. Энтони). Все еще находясь под сильным минометным огнем, мы смотрели на равнину, расположенную ниже нас, и уже вскоре разглядели 24 танка, наступавшие шеренгой в нашем направлении. Фрэнк сказал: «Как ты думаешь, это наши?», и я ответил: «Это чертовски сомнительно.» Когда танки подошли поближе, мы смогли явственно разглядеть свастики в их передней части. На позиции появился г-н Хаттон-Сквайр вместе с майором Картлэндом и сказал: «Танки в твоём секторе, бомбардир.» Я ответил: «Вижу их, сэр.» И с той минуты они больше не вмешивались в наши действия в той ситуации...

Британские артиллеристы у двухфунтовой пушки на позиции
<http://www.warlordgames.com/new-bef-2-pdr-anti-tank-gun/>

Тем временем немецкие танки достигли небольшого перелеска у подножия возвышенности и остановились там вне нашего поля зрения. Прямо под нами был просвет в лесных зарослях, там, откуда мы ждали атаки, и, на самом деле, три танка вышли из этого просвета. Я приказал всем занять позиции, и мы встали у двухфунтовки. *Номер 1* расчета отдавал приказы, используя открытый прицел, что давало возможность *Номеру 3* Фрэнку Барберу удерживать танк в своем оптическом прицеле. Заряжающий, *Номер 2*, Билл Вокс, вложил снаряд в затвор, за чем последовала команда *Огонь!* Снаряд двухфунтовки был с трассировкой, и это давало возможность отслеживать, куда он летит. Наш первый снаряд пошел точно в цель, но почти что в момент попадания танк нырнул в небольшое углубление, и снаряд проскочил перед башней. С нашей точки зрения, хуже ничего быть

не могло. Наличие трассы дало командиру немецкого танкового экипажа понять, что он находится под огнем и с какого направления этот огонь ведут. Его башня повернулась в нашу сторону, и он открыл огонь – его снаряд не долетел до нас ярдов на 50. Наш следующий снаряд угодил в танк непосредственно ниже башни, но не сумел пробить броню и отскочил вверх, словно ракета. Мы продолжили нашу дуэль с танком. Мы стреляли, он двигался, останавливался и стрелял в нас. После того, как мы выпустили около 15 снарядов, Билл Вокс, заряжающий, который не мог видеть, что происходит, но понимал, зная об отсутствии движения у нашей пушки, что мы все еще боремся с первоначальной целью, спросил: «Когда вы собираетесь попасть в эту долбаную штуку?» Теперь танк был от нас менее чем в 100 ярдах, и мы все еще не могли пробить его броню. Единственное, о чем я мог думать в тот момент, это то, что колеса, крутившие гусеницы танка, были ничем не защищены, и я крикнул Фрэнку: «Шарахни ублюдка по гусеницам, Фрэнк!» Ствол слегка наклонился, и мы выстрелили, попав в ведущее колесо. Танк резко остановился, мотанувшись в сторону. Все еще не утратившие ничуть от своего боевого духа немцы повернули башню в нашем направлении и снова выстрелили, и их снаряд угодил в отсыпку перед пушкой. Наш следующий снаряд, должно быть, вывел из строя вращательный механизм башни, поскольку они открыли аварийный люк, выскочили и побежали в сторону своих позиций. Джордж Проссер и наш главный сержант залегли со своими винтовками, открыли стрельбу и зацепили последнего из немцев, выскочивших из танка.

Два других танка, вышедших из перелеска, оказались справа и слева от нашей позиции. Я решил открыть огонь по тому, который был слева – это была превосходная цель, хорошо просматриваемая на фоне небольшого бугра. Я отдал необходимые команды – направление – расстояние – огонь. Фрэнк нажал на спусковую кнопку – на этот раз снаряд пробил броню и взорвался внутри танка, разнеся его в клочья, так как взлетел на воздух боезапас. Никто не выжил. Я навел пушку на третий танк и дал команду *Огонь!* Фрэнк отследил танк, который вертелся то вправо, то влево, стараясь отыскать нашу позицию, выдержал секундную паузу и выстрелил, уничтожив эту машину так же, как и предыдущую.

Вблизи от нас не было больше танков, и поскольку интенсивный минометный огонь сделал нашу позицию совсем некомфортной, мы уже собирались вернуться в окопчики, но тут прибежал сержант из 2-го Глостерского Полка. Он указал нам на пустой коттедж, стоявший ярдах в 300 слева от нас, и сказал, что еще один танк прячется за ним. Мы открыли огонь по коттеджу, и все здание взлетело на воздух с языками пламени. Мы ждали, но танк так и не появился. Позднее, когда мы уже маршировали в колонне военнопленных, я встретил того самого сержанта, и он сказал мне, что тот танк сгорел и остался за коттеджем...

Майор Картлэнд, который вместе с Хаттоном-Сквайром и г-ном Д. Вудвардом (D. Woodward) наблюдал за этим боем с весьма открытой позиции, расположенной позади нас, пришел к нам с новыми приказами. Однако поврежденное колесо по-прежнему доставляло хлопоты, и мне с Франком только с большим трудом удалось перетащить пушку. На следующий день я вернулся на старую позицию, которая подверглась интенсивному минометному обстрелу после того, как мы покинули ее. Билл Вокс, который был со мной, насчитал на месте 21 снарядную гильзу. Он счел, что это было слишком много для результатов того дня – на тот момент – три подтвержденных уничтоженных танка, и закопал 17 гильз в нашем окопчике. Потом он в течение следующих нескольких дней приводил всех, кого мог найти, на это место, чтобы показать три танка, уничтоженных нашими снарядами!

Пришло сообщение, что танки [противника] пытаются прорваться через заслон на дороге, на которой находимся и мы. Поскольку атака могла произойти в любой момент, было решено, что мы будем вести огонь с колес. Опять же, нас этому обучали, но мы никогда этого не делали и не видели, как это делается. Для этого был нужен четвертый человек в расчете, который ... должен был следить за тем, чтобы пушка не перевернулась при отдаче. *Крошка* Джеймс – самый крупный малый в нашем расчете - был поставлен делать это, и мы отправились на позиции, подготовленные для ведения огня. Мы больше беспокоились о том, что может случиться пушкой после выстрела, чем об угрозе от приближающегося танка. Майор Картлэнд поставил рядом с нами 75-мм полевую

французскую пушку с расчетом из французских офицеров. Хаттон-Сквайр, который, как всегда, не беспокоился о собственной безопасности, отправился к заслону на дороге, чтобы понять, что происходит. Напряжение нарастало, затем оно спало, когда из-за угла, оттуда, откуда ожидалось танки, появился Дэн Лен Гриффитс (Dan Len Griffiths) из Группы С на своем мотоцикле. Как всегда, он был переполнен весенними радостными чувствами. Он поприветствовал нас, достал несколько пачек сигарет из своих переметных сум для всех нас. Собираясь бросить пачку человеку с *Бреном*, он только тут заметил, что это был майор. Лихо откозыряв, он извинился и сказал, что знал о том, что майор не курит, как и он сам, и дал ему большую горсть двухфунтовых плиток шоколада *Cadbury*...

Майор приказал ему отправляться в его штаб, забрать там батарейного старшего сержанта и его людей и ехать в полковой штаб. Это был последний раз, когда мы видели этого парня, потом это случилось только после войны...

Группа А майор Вудварда отлично поработала во время атаки противника на позиции, примыкающей к левому флангу Группы С бригадира *Кэга Дэвиса* (Cag Davis), подбив два танка, стреляя в упор. Оба танковых экипажа погибли на месте. Где-то в это время французская 75-миллиметровка произвела выстрел по танкам, находившимся ниже, в долине. Французский полковник посмотрел на результаты стрельбы в бинокль и заявил, что они уничтожили шесть танков! Я знаю, что одна двухфунтовка, которая вела огонь на позиции, которую утром занимала пушка С1 с одним-единственным артиллеристом, остававшимся на ногах, подбила пять танков. По-видимому, снайпер из *пятой колонны* перестрелял расчет, одного парня за другим. Последний остававшийся в живых увидел колонну танков, приближающуюся по дорожной выемке. Он подбил первый танк, затем выел из строя последний, и заблокировал остальные. Затем он уничтожил три остальных машины. Сожалею, что я не знаю его имени, но полагаю, что он был из 13-го полка Противотанковой Артиллерии. Всего после полудня в то воскресенье было уничтожено более 40 немецких танков!

На протяжении нескольких следующих дней мы наблюдали за тем, что происходит на простирающейся перед нами равнине. Немецкие войска проявляли активность, но были слишком далеко от нас, чтобы мы могли вступить с ними в бой. По ночам мы могли видеть, как горят города в нашем тылу... Это были Кале и Дюнкерк. Мы не знали о том, что были почти окружены и отрезаны от остальных войск *BEF*. Вечером 29 мая был отдан приказ вывести из строя наши пушки и машины, и мы с тяжелым сердцем отправились в штаб майора Картлэнда. Картлэнд произнес речь, в которой разъяснил нам то, в каком положении мы находимся, и сказал, что Бригада покинет Кассель в пешем строю и попытается добраться до своих. Он не сказал ни слова о том, что в Дюнкерке уже идет эвакуация. Он также сказал, что теперь *каждый сам за себя*, и каждый, кто пожелает идти своей дорогой, волен сделать это. Все решили идти с майором и тронулись в путь, вооружившись винтовками, *Бренами* и гранатами. Впереди и в арьергарде были остатки двух пехотных полков Бригады – Глостерцев и Оксфордширской и Букингемширской Легкой Пехоты (Oxfordshire and Buckinghamshire Light Infantry). Артиллеристы и саперы шли в средней части колонны.

На восходе мы оказались под интенсивным огнем пехоты и танков. Мы понесли тяжелые потери, и, чтобы избежать большего ущерба, майор Картлэнд приказал сдаваться. Сам майор вскоре был убит. Хаттон-Сквайр, Томми Банн (Tommy Bunn), который был водителем майора, оказались на некотором расстоянии от батареи. Хаттон-Сквайр сказал, что не собирается становиться военнопленным, и с криком *За мной, бомбардир!* выскочил из канавы, из которой мы вели огонь из нашего *Брена* по находившемуся недалеко танку, но был тут же убит. Томми Банн и я добежали до канавы на дальнем краю поля и снова попали под огонь из того же танка. Мы знали, что танкисты из экипажа этой машины не будут брать нас в плен, и поползли вдоль канавы в направлении калитки, ведущей на соседнее поле. Мы выпрыгнули из канавы и побежали к ней, но налетели прямо на немецкий патруль, который уже захватил нескольких ребят из нашей батареи. «Halt!»- прокричал их унтер-офицер, и так Томми и я стали военнопленными...

* *Блиц* - имеются в виду бомбардировки Великобритании в 1940-41 годах

** *NAAFI - Navy, Army and Air Force Institutes* - компания, созданная британским правительством 9 декабря 1920 года для управления рекреационными учреждениями, в которых нуждаются вооруженные силы Великобритании, и для продажи товаров военнослужащим и их семьям

*** *Джерри* - распространенное в британской армии прозвище немцев – *ВК*

**** *Women's Royal Voluntary Service* – Королевская Служба Женщин – Добровольцев

Источники

Marshall Cavendish. THE WAR YEARS. 1939-1945. Eyewitness accounts. 1994

<https://www.historyanswers.co.uk/history-of-war/brits-vs-blitzkrieg-dunkirk-veteran-recalls-the-chaos-of-evacuation/>

<http://www.bbc.co.uk/history/ww2peopleswar/stories/88/a3396288.shtml>

<http://www.bbc.co.uk/history/ww2peopleswar/stories/68/a2349768.shtml>

<http://ww2talk.com/index.php?threads/the-glorious-glosters-cassel-1940.12703/>

Возврат к главной странице www.warsstory.org